

Анна Доронина*

Революция в мировосприятии русских символистов: Андрей Белый и Александр Блок

Серебряный век – сложный для прочтения историко-культурный феномен, границы которого можно очертить лишь хронологически. Культура Серебряного века включила в себя разнообразие литературных и художественных жанров, религиозно-философских течений, трудно поддающихся сопоставлению и классификации. Время «культурного ренессанса» (по определению Бердяева), пересмотра традиционных форм искусства и жизни, возрождения поисков духовного основания человеческого бытия сочеталось с мистицизмом, вновь возникшим интересом к апокрифической литературе, исследованиями русского сектантства. Культурные веяния второй половины XIX века «таили в себе зародыши приближающегося духовного кризиса, которому предстояло распространиться на весь буржуазный уклад. Религиозная индифферентность на практике оборачивалась тягой к оккультным наукам, ясновидению, спиритизму, теософии, примитивным суевериям»¹. Рассуждая о Серебряном веке, философ Ф. Степун писал: «Нельзя отрицать, что волна религиозного обновления здесь и там обертывалась смутно чувственной мистикой, эстетствующим мистицизмом»².

Одним из наиболее значительных течений этой эпохи был символизм, он вышел за рамки литературной школы, не ограничился философской доктриной, но, вобрав в себя художественное, мистическое и религиозное, стал основой для нового мировидения. Символисты, которых сравнивают с романтиками, сделали шаг в сторону некой трансцендентной реальности, отказавшись от обыденной действительности. Русский символизм провозгласил свою символическую реальность «наиреальнейшей» и подменил ею повседневность. Этот ход символистов не был таким искусственным, как может показаться. Действительность, по мнению символистов, в свое время достаточно была опошлена реализмом и натурализмом, поэтому теперь она нуждалась в оправдании, в поиске в ней

* Стажер-исследователь Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

¹ Буланин Д. Жанна д'Арк в России: исторический образ между литературой и пропагандой. М., СПб., 2016. С. 157.

² Степун Ф. Мистическое мировидение: пять образов русского символизма. СПб., 2012. С. 304.

скрытого ценного смысла³. Время русского символизма – время острых социальных вопросов: не достаточное ли это основание для открытия новой реальности?

Символисты А. Белый и А. Блок имели особый взгляд на политические, социальные, культурные проблемы страны. Их идеи, безусловно, находили источник в поэтическом, художественном мировоззрении, поэтому работы о России и революции могут быть поняты только в свете этих фактов. Понимание революции поэтом отлично от понимания и интерпретации историка, политика и любого другого человека. А.А. Блок называет себя «литератором» и «интеллигентом», призывая учитывать это положение при оценке его мнения⁴.

В известной речи «О назначении поэта» 1921 года, посвященной годовщине смерти А.С. Пушкина, Блок говорил об уникальных способностях поэта. Представление о Пушкине как об олицетворении русской поэзии всеми признано и бережно хранимо, однако имя «поэт» прояснено не до конца. Для Блока поэт – «сын гармонии», поэтому он имеет внутреннее основание приводить к согласию звуки и слова⁵. Гармония, как и культура, в свою очередь, начинается в космосе (порядке, стройности), который происходит из хаоса. Противоположность хаоса и космоса не отрицает их близкого родства, ведь часто дети – не копии своих родителей, одной только «тайной чертой» они бывают похожи, и этого более чем достаточно⁶. Это раскрывается в поэме Блока «Возмездие», в которой главным героем является младенец, способный остановить колесо истории своей младенческой рукой.

Поэту как сыну гармонии вверено выполнить «три дела»: «освобождение звуков из родной безначальной стихии»; «приведение звуков в гармонию», оформление звуков; «внесение гармонии во внешний мир»⁷. Поэт имеет непосредственный доступ к стихии, понимаемой Блоком как первобытное, докультурное состояние. В этой способности обратиться к стихии и раскрыть таящийся в ней потенциал культуры («семена») заключается срединное положение поэта, направленного к стихии и культуре одновременно⁸. Придание формы пойманным в стихии хаоса звукам является гармонической функцией, поэт исполняет ее для того, чтобы мир смог ее воспринять. Так, создавая новые формы, поэт служит мировой культуре. Гармония, конечно, через подлинную поэзию открыта каждому, но чувство поэта и обыкновенного человека различны. Более того, поэт не ошибается, его слово последнее и самое точное.

Взгляд Блока и Белого на положение России времен первой и второй революции, на ее причины и последствия, равно как предчувствие катастрофы, – это

³ Философия. Литература. Искусство: Андрей Белый – Вячеслав Иванов – Александр Скрябин / Под ред. К.Г. Исупова. М., 2013. С. 17.

⁴ Блок А. Народ и интеллигенция // Александр Блок, Андрей Белый: диалог поэтов о России и революции. М., 1990. С. 388.

⁵ Блок А. О назначении поэта // Двенадцать: поэзия, драматургия. СПб., 2008. С. 184.

⁶ Там же. С. 184.

⁷ Там же. С. 185.

⁸ Там же. С. 185.

взгляд, прежде всего, поэтов и художников. Блок открыто говорит, предугадывая все реакции на его слова, что поэт видит события по-иному: «Дело художника, обязанность художника – видеть то, что задумано, слушать ту музыку, которой гремит "разорванный ветром воздух"»⁹. У художника все эти события найдут свое выражение в дальнейшем. Поэта, в представлении Блока, словно певца из пушкинского «Ариона», в разбушевавшейся стихии спасает божественное провидение, потому что на него возложена высокая миссия толкования исторически значимых событий. Оценка его может быть угодна или не угодна обществу, что не делает его более или менее правым.

Творческие судьбы Блока и Белого тесно переплетены. Там, где мы читаем Блока, там слышим и Белого, согласного с ним, поддерживающего или, наоборот, отрицающего идеи, высказанные Блоком. Белый – поэт, но вместе с тем, теоретик искусства, филолог и позже антропософ. Блок – национальный поэт, стоящий в одном ряду с Пушкиным, Тютчевым и Лермонтовым. В юности и молодости Белый и Блок, будучи восприимчивыми идей Вл. Соловьева, имея общий источник мысли, творческой жизни и даже чувства, были очень дружны и, хотя этот период длился недолго, он стал «лучшим, самым светлым» для Блока, временем «зорь» для Белого, и оставил после себя тысячи стихов¹⁰. Но после первой русской революции все идеалы, надежды, вера в изменение положения народа – все темы и образы, вокруг которых строился поэтический разговор о любви, Жене, облаченной в солнце, – сменились отчаянием и неверием. Степун писал: «Чтобы лучше понять Белого, нужно представить себе тот социально-политический фон, на котором после учреждения Думы происходит экономический и политический подъем». А фон этот был таким: «...у подножия "вершин" возникали глухие эротические настроения. Так образовалась "Лига свободной любви" с ее филиалами, "клуб самоубийц". К этим запахам духовного растления примешивались угрожающие симптомы политического недуга. ...В рабочих кварталах готовилась вновь разгореться тлеющая революция...»¹¹.

Известно, что тема революции и России является одной из главных в творчестве А. Блока и А. Белого, она проходит сквозь всю их творческую биографию и воплощается не только в стихах и прозе, но также в выступлениях, статьях, заметках, письмах и т.д. На активную гражданскую позицию поэтов, безусловно, повлияло их происхождение, история их отцов и дедов. Сложная политическая ситуация в стране назревала почти столетие: начиная с реформ Александра I, реакции Николая I, Великой реформы Александра II, и контрреформ Александра III. В первой главе поэмы «Возмездие» Блок напишет:

«Век девятнадцатый, железный.

Воистину жестокий век!

⁹ Блок А. Интеллигенция и революция // Александр Блок, Андрей Белый: диалог поэтов о России и революции. С. 418.

¹⁰ Берберова Н. Александр Блок и его время: биография. М., 2015. С. 54.

¹¹ Степун. Мистическое мировидение: пять образов русского символизма. С. 311.

Тобою в мрак ночной, беззвездный
Беспечный брошен человек!

.....
Двадцатый век... Еще бездомней
Еще страшнее жизни мгла
(Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла)¹².»

Сложная политическая ситуация, динамически устремленная к своей кульминационной точке, не могла быть не замечена деятелями искусства, в конце концов, не было никакого более важного вопроса, и вся жизнь, по крайней мере, у тех, кто ее по-настоящему чувствовал, должна была выстраиваться на этом неустойчивом политическом основании.

Эпоха первой русской революции 1905-1907 гг. повернула поэзию Блока и Белого от юношеских грез, навеянных философией Вл. Соловьева, к социальным и нравственным проблемам своего времени. Каждый из поэтов в этот период делает собственный выбор в соответствии со своими убеждениями. И хотя темы Вечной Женственности и Христа, так или иначе, будут присутствовать в их творчестве всегда, они не останутся общими, у каждого из поэтов сложится собственное представление об идеале женственности и полноте человеческого совершенства. Так, Белый сохранит в своем творчестве образ Жены, облаченной в солнце, как духовный идеал, имеющий мало общего с телесностью. Блок также сохранит верность Прекрасной Даме, но Вечная Женственность поменяет облик: она станет Незнакомкой, Коломбиной, Кармен, Катькой и, наконец, Россией, чреватой трагедией.

Путь А. Блока, многие исследователи называют особым служением России. Призвание определилось под влиянием первой русской революции: после 1905 года Блок бесповоротно отходит от символизма и мистицизма, тяготея к реализму: «В его стихах не осталось никакой мистики. С 1905 года начинается реакция против "неясного", "неопределенного", "зыбкого". За пять лет Блок победил "проклятие абстрактного", сему способствовал кризис символизма. Он открывает реальность – не реальность Вяч. Иванова, но совершенно простую, непосредственную, ту, что он видит в своей стране и в мире и она оказывает на него жесткое благотворное воздействие»¹³. Русская жизнь в ее многообразии становится «главной "музыкальной" темой Блока»¹⁴.

Вопрос о положении народа в России и об отношении между народом и интеллигенцией волнует Блока до последних дней его жизни. Блока привлекает идея воссоединения народа и интеллигенции не на основе социально-политической теории, а на основе единой культуры. Этот вопрос и есть камертон революционного творчества поэта. В 1908 году Блок делает доклад «Народ и ин-

¹² Блок А. Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах. Т. 5. М., 1999. С. 24.

¹³ Берберова. Александр Блок и его время: биография. С. 145.

¹⁴ Коровин В. Послесловие // А. Блок. Поэмы. М., 1980. С. 151.

теллигенция», впоследствии ему приходится отвечать на вопросы, возникшие как реакция на его речь, и Блок делает новый доклад «Стихия и культура». По мнению Блока, вопрос отношений интеллигенции и народа стоит настолько остро, что едва ли можно найти более важный вопрос. Интеллигенция и народ – не только два понятия, для обозначения некоторых сообществ людей, но две реальности в России, две силы, которым нужно сосуществовать. В каких отношениях находятся народ и интеллигенция? Можно ли назвать их взаимоотношениями? «С екатерининских времен проснулось в русском интеллигенте народолюбие, и с той поры не оскудевало»¹⁵. Со стороны сравнительно небольшого количества образованных и жаждущих перемен в государстве и обществе людей непрерывно вспыхивает желание узнать народ, разгадать тайну его жизни – загадку страны, где «нескольким сотням тысяч» противопоставлено «враждебно» «полтора миллиона»¹⁶. Кажется, что тайна разгадана, и душа народная понята, но ответ снова растворяется во «сне и тишине»¹⁷. Враждебность станов тайная, но есть между ними и согласие, ведь именно народ «выносил под сердцем» Пушкина, Гоголя, Достоевского и Толстого. И они-то и есть свидетельство наличия этого разрыва и исконности вражды¹⁸.

Андрей Белый, в отличие от Блока, всегда тяготел к теоретизированию искусства и философской разработке своих эстетических и художественных интуиций. Для него было важным продемонстрировать связь искусства и жизни на онтологическом уровне. Разработанный им концепт «жизнестроительства» объясняет стремление поэта к синтезу искусств, наук и всех форм человеческой деятельности. Конечная цель – проникновение к высшей реальности, более реальной, для человека более необходимой. Блок не стремился к этому. Белый не смог понять особое отношение Блока к телесной красоте.

Сборник стихотворений Белого *Пепел* считается наиболее сопоставимым с творчеством Блока. В нем Белый обращается к неприметному бытию России того времени и на время как будто забывает о мистике Вл. Соловьева. Сложно не заметить, что книга посвящена поэту Н.А. Некрасову. Это вторая после увлечения идеями Соловьева творческая близость Блока и Белого¹⁹.

Стихотворение «Отчаяние» 1908 года из сборника *Пепел* является программным в революционном творчестве Белого. В нем – апофеоз жалости и любви к родине. За все перенесенные страдания, за «бедность» страны, «нищету» и «безволие» ее, ничего нельзя сделать, только «прорыдать» в ее «раздолье» и признать, что «Россия моя»²⁰. В тот же 1908 год в стихотворении «Русь» Белый писал:

¹⁵ Блок А. Народ и интеллигенция // Александр Блок, Андрей Белый: диалог поэтов о России и революции. С. 391.

¹⁶ Там же. С. 391.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Машбиц-Веров И. Русский символизм и путь Александра Блока. Куйбышев, 1968. С. 316.

²⁰ Александр Блок, Андрей Белый: диалог поэтов о России и революции. С. 233.

«Поля моей скудной земли
Вон там преисполнили скорби.
Холмами пространства земли
Изгорби, равнина, изгорби!²¹»

Русь в этом стихотворении предстает необъятной («в пространствах таятся пространства») «косматой», «голодной», смертельно спокойной и терпеливой. А в стихотворении «Родина» страна названа злой и несчастной:

«Роковая страна, ледяная,
Проклятая железной судьбой –
Мать Россия, о родина злая,
Кто же так подшутил над тобой?²²»

Стихи Белого и Блока этого периода, хотя и объединены темой России, описывают ее томление, тоску, страх, предчувствие смерти, имеют совершенно разные направления. Россия Белого обречена, ничто ее уже не спасет, Россия Блока – выйдет из пут страха и ненависти и обретет свое новое величие. Пример тому – блоковское стихотворение «Так. Буря этих лет прошла...»:

«Так. Буря этих лет прошла.
Мужик поплелся бороздою
Сырой и черной. Надо мною
Опять звенят весны крыла...
.....
Забудь, забудь о страшном мире,
Взмахни крылом, лети туда...
Нет, не один я был на пире!
Нет, не забуду никогда!²³»

Еще одной точкой соприкосновения в творчестве Блока и Белого стали поэмы «Двенадцать» и «Христос воскрес». Поэма «Двенадцать», как известно, встретила разные отклики со стороны читающей публики. Образ Христа все еще остается самым трудным для понимания образом поэмы. «Двенадцать», созданная сразу после революции 1917 года, в январе 1918, написана Блоком не в защиту своей политической позиции, а под вдохновением «народного мятежа»²⁴. В поэме почти нет вымысла, это оформленные в произведение искусства события зимы 1918 года²⁵. Революционно настроенная интеллигенция приняла поэму. Жена поэта Л.Д. Блок читала «Двенадцать» для буржуазной публики в кафе. Другие, наоборот, осудили Блока за угождение большевикам²⁶.

²¹ Там же. С. 262.

²² Там же. С. 263.

²³ Там же. С. 88.

²⁴ Берберова. Александр Блок и его время: биографии. С. 183.

²⁵ Там же. С. 206.

²⁶ Там же. С. 207.

Не углубляясь в филологические подробности, можно заметить сочетание в поэме реализма шестивия двенадцати и мистического образа Христа, вырастающего перед строем. Этот образ Христа можно понимать в духовно-нравственном смысле, или, наоборот, видя в нем некий социально-нравственный идеал, отрицать непосредственно религиозный смысл. Известно, что до создания поэмы Блок признавался в том, что «незаметно для него из тьмы возникает образ и предстает перед ним... это образ Христа»²⁷. В поэме Блок касается вопроса индивидуальных чувств, чрезвычайно важного в ситуации коллективизации общества, подмены индивидуального всеобщим²⁸. А. Эткинд в книге *Хлыст: секты, литература и революция* замечает, что «В двенадцати революция – это шествие, метаморфоза революционера проявляется в новом качестве его шага. ... Революция производится над шагом и полом, ее результат – новый человек, а не новое государство»²⁹.

В *Записке о «Двенадцати»* 1920 года Блок скажет, что не отрекается от написанного, хотя признает, что отдавался тогда стихии. В этом смысле, поэт призывает не относиться к его творению как к политически ангажированному, но наоборот считать его реакцией на пронесшуюся бурю, затронувшую как политику, искусство, так и души поэтов. Новые политические условия, возникшие вскоре после 1917 года, отказывающие в полной свободе слова поэтам и художникам гораздо жестче, чем в царской России, создали атмосферу, усугубленную предчувствием еще большей несвободы. Блок предвидел эти условия уже в 1921 году, когда в день смерти Пушкина произнес речь *О назначении поэта*. Он передал это настроение, это смятение и разочарование слышавшим его тогда, его поняли, ему аплодировали, но до срока все еще оставалось предчувствием, которое впоследствии сбылось как пророчество. Вспоминая о прощании с Блоком, русский мыслитель эмиграции В.В. Вейдле писал: «Мы хоронили Россию. Не Россию русского государства, хоть и была она тогда разгромлена и унижена, и не Россию русских людей, а другую, невидимую Россию, ту, что становится осязаемой в слове и сквозь слово»³⁰. Смерть Блока объединила многих людей одной думой, одной мыслью о судьбе страны и культуры. Смерть поэта будто внесла небольшую ясность, подвела к осознанию пророческой одаренности, носителем которой была не только поэзия Блока, но и сама его жизнь.

В статье Блока «Интеллигенция и революция», созданной до поэмы «Двенадцать», революция предстала бурей, долго готовившейся в томившейся предреволюционной стране. Стихия революции, несущая в себе очистительную силу, приносит также страшные страдания, унижения, но для Блока это неотъемлемая ее часть. Стихия не может выборочно уничтожить лишь затронутое болезнью.

²⁷ Там же. С. 206.

²⁸ Пьяных М. Вступительная статья // Александр Блок, Андрей Белый: диалог поэтов о России и революции. С. 19.

²⁹ Эткинд А. *Хлыст: секты, литература и революция*. М., 2013. С. 347.

³⁰ Вейдле В. *Умирание искусства*. М., Республика, 2001. С. 222.

Блок видит в революции воплощение задуманного. У России есть судьба и судьба эта – изменить все. Сделать жизнь, которую поэт увидел и ощутил сполна в темные годы после первой революции, новой, справедливой, чистой, веселой. Блок верит в прекрасную жизнь.

Замыслы о прекрасном устройстве, согласно Блоку, скрыто пребывают в народе, они, безусловно, всегда есть в народной душе. Революция – выплеск этих замыслов, и что в этом может быть плохого? Цель революции – исключительно благая, а средства и сопутствующие обстоятельства («доламывание плотины», «обсыпая лишние куски берегов») – мы переживем³¹.

Не нужно ожидать от революции исполнения личных чаяний и желаний. Это маленькое и личное неуместно и вспоминать, если только личное – не созвучно всеобщему, великому. Революция – словно взбунтовавшаяся в вихре или наводнении природа. Ее сила – внешняя, общая, лишенная рационального объяснения и исторически едва ли уловимая. В силу своего размаха и иррациональной, стихийной мощи революция не отыскивает достойных или недостойных, чтобы спасти или уничтожить, поэтому, зачем разочаровываться? Ее можно только принять. Зачем бояться разрушения? Разрушенное – того заслужило, оно только казалось тем, что оно было. Вечное сохранит память, а временное и неистинное должно гореть. Не может вековой раздор между интеллигенцией и народом так просто разрешиться³².

Блок ясно говорит, что его обращение направлено именно к интеллигенции, которая хотя и старается закрыться и не слушать музыку революции, все-таки способна ее понять. Такую музыку не поймет буржуазия, которая стоит на твердой почве личных убеждений, капитала, царя, служебного положения, потому что такую почву эта музыка разрушит. А у интеллигенции нечего отнимать, а если и получится отнять, то только с головой. Но стыдно интеллигенции смеяться над безграмотностью народа, одновременно боясь ее, отмалчиваться и удивляться случившемуся. Сейчас не время (и вообще никогда не время, но сейчас особенно) говорить о личном достоинстве и заслугах тех или других. Наше прошлое – несправедливое, недостойное, пошлое – вина наша, общая. Лучшие должны это чувствовать.

Андрей Белый не принял «Двенадцати» Блока. В апреле 1918 года вышла его поэма «Христос воскрес», написанная в противостояние поэме Блока. Уже первые строчки поэмы несут утвердительную силу слов «Христос воскрес». Исследователи творчества Белого отмечают, что «духовный идеал поэт прежде всего связывал с образом Христа»³³. Поэма «Христос воскрес» основана Белым на со-

³¹ Блок А. Интеллигенция и революция // Александр Блок, Андрей Белый: диалог поэтов о России и революции. С. 418.

³² Там же. С. 421.

³³ Пьяных М. Вступительная статья // Александр Блок, Андрей Белый: диалог поэтов о России и революции. С. 3.

бытиях Евангелия, перенесенных в современную ему действительность, в ней Белый сохраняет верность идеям Вл. Соловьева. Христос «опускается на каждого из нас»:

«Перегорающим страданием
Века
Омолнится
Голова
Каждого человека³⁴.»

Белый называл свою поэму тем местом, где встречается народная душа со Христом. И также как Блок, говорил, что его поэма не столько политическая, сколько мистическая. В поэме, по указанию самого Белого, ставится проблема духовной жизни индивидуума как основания для жизни коллектива³⁵.

Творчество Андрея Белого своей прозой, поэзией и публицистикой включенного в общественно-политическую жизнь современной ему России, являет собой не только эстетическую теорию, но социальный запрос – оно стремится стать основанием жизни. Ф. Степун в своем очерке об А. Белом, отмечая влияние на последнего философии Вл. Соловьева, пишет: «...Соловьев, основоположник новой русской философии, понимал истинную жизнь, и прежде всего истинную любовь, как художественный акт сотворения формы»³⁶. Подобным образом, как отмечает Степун, понимали творчество и другие великие художники.

За год до смерти, в 1933 году, Белый пишет «О себе как о писателе», где раскрывает свой путь к символизму. И этот путь проходит через искушение очень многими науками. Через увлечение проблемами точного знания и естественными науками Белый начинает интересоваться вопросами методологии и «отсюда несколько лет переживает себя философом», далее – увлечение музыкой, через которую Белый приходит в искусство, а через Достоевского, Ибсена, символистов – в поэзию³⁷. Эти весьма схематичные сведения из творческой жизни А. Белого позволяют понять его стремление к синтезу искусств и поиск общей основы, как в искусстве, так и в «жизнестроительстве». «Я распевал в полях свои стихотворные строчки... я стал скорей композитором языка...», – говорит Белый о своем творчестве³⁸.

Белый всегда находился в поиске таких форм искусства, где художник мог бы синтезировать все виды творчества. А в этом синтезе, слиянии в художнике разнообразия творчества, Белый видел главное – «путь к творчеству жизни»³⁹. Стремлением Белого выйти за рамки текста, буквы к краскам и звукам обуслов-

³⁴ Белый А. Собрание сочинений в девяти томах. Т. 1. Стихотворения и поэмы. М., 1994. С. 413.

³⁵ Пьяных М. Вступительная статья // Александр Блок, Андрей Белый: диалог поэтов о России и революции. С. 26.

³⁶ Степун. Мистическое мировидение: пять образов русского символизма. С. 316.

³⁷ Белый А. О себе как о писателе // Андрей Белый: проблемы творчества: Статьи, воспоминания, публикации. Сборник. М., 1988. С. 20.

³⁸ Там же. С. 20.

³⁹ Там же. С. 21.

лено его творческое использование народного языка, создание новых слов. Писатель представлялся Белому «организатором языковых стремлений народа»⁴⁰. Мечтой Белого был не мистический сплав всех искусств и направлений творчества, а именно поднятая над искусствами новая сфера творчества, путь к которой будет лежать только через музыку и литературу.

В кратком биографическом очерке «О себе как о писателе» Белый также отмечает пророческую функцию своего творчества. Автор находится как бы «в разрыве между сегодня и завтра», работая на злобу дня с одной стороны и предчувствуя будущее с другой⁴¹. Этим Белый объясняет «налет символизма» в его работах, образы которого есть как бы проект (набросок) будущего («натура не в ставшем, а в становлении»)⁴². Такой синтез статики и динамики в символизме убергает художника от абстракции и бесплодного описания настоящего.

Летом 1917 года Андрей Белый написал статью «Революция и культура», где синтезировал теорию культуры, тяготеющую к концепции символизма, и тему революции. Революция и искусство, по Белому, имеют общий центр, откуда направляются они в разные стороны. Культура формируется благодаря «бережному кропотливому уходу», эволюционной «непрерывности развития»⁴³. Революция – словно природная стихия, «подземный удар»⁴⁴. Эволюция непрерывно формирует жизнь, органично обновляя ее. Революция периодически выбрасывает красные потоки вулканической лавы, но со временем они застывают и скрываются за «зеленой порослью культуры»⁴⁵. Белый замечает, что революции и культуре, формально противоположным друг другу явлениям, характерны взаимодополняемые цвета – красный (революция) и зеленый (культура). Искусство – место встречи «революционных и эволюционных энергий», где красный, сочетаясь с зеленым, становится белым светом искусства как достояния духовности⁴⁶.

Культура «уплотнена» материальной формой искусства, но такая материальная форма не отражает подлинного, она лишь временная оболочка⁴⁷. Материальная сторона культуры, конечно, может быть конвертирована в капитал, разменную монету, но это приводит к необратимым последствиям: «видоизменяются формы культуры; наука приобретает технический, узкопрактический смысл; и гастрономией процветает эстетика... в творчестве правовых отношений царит принудительный кнут, как полицейская мера для обуздания все растущего эгоизма утонченной чувствительности...»⁴⁸. Против такой подмены динамического процесса

⁴⁰ Там же. С. 21.

⁴¹ Там же. С. 24.

⁴² Там же.

⁴³ Белый А. Революция и культура // Александр Блок, Андрей Белый: диалог поэтов о России и революции. С. 471.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 472.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

оформленным продуктом выступает революция. Исток революции – в духе, только в нем может родиться бунт против ставшего основным материального. Завершение революции – также в духе, ведь именно там заново рождается культура. В революционном процессе рушатся старые формы культуры, и в этом смысле революция опасна для культуры, однако именно революция оживляет культуру и превращает косную форму в динамически мощный процесс.

Белый обращает внимание на «двойное дно» искусства: с одной стороны, оно есть форма культуры, то есть оно в той или иной форме проявлено; с другой стороны, искусство имеет лишь умом постигаемую глубину, где «совершается революционно-духовный процесс»⁴⁹. Эти противоположные направленности встречаются, однако, в душе художника, принявшего разделение собственного «я» на высшее «я» и косное «я», которые находятся в борьбе. Революция и культура на общественно-политическом уровне представляют эти человеческие «я».

В статье «Революция и культура» Белый также обращает внимание на революционное искусство, на творчество во время революции. Для Белого протоколированный, непосредственно запечатленный ход революции даже в той или иной форме искусства, – не есть искусство. Тот, кто спешит сохранить свою принадлежность к искусству и остаться «мудрым охранителем культа» в революционные минуты, дискредитирует себя как художника. Белый замечает: «Вдохновение есть создание образов, не совпадающих с вдохновляемым образом»⁵⁰. Поскольку революция – это только «акт зачатия творческих форм», состояние настоящего художника во время революции, когда все как бы сливаются в «рядовом гражданине» и «агитаторе», – состояние целомудренной немоты, свидетельствующее о «священных событиях внутренней жизни»⁵¹. Проникая поэтической интуицией к источнику революции – духу, душа художника пророчески «зачинает» образы будущего.

Для Белого настоящее проявление революции заключается не в ее разрушающей силе, обращающей в хаос застывшую форму культуры, но в акте «давления силы» прорастающего ростка⁵². Поэтому Белый называет революцию «инволюцией» или «воплощением духа в условия органической жизни»⁵³. Именно в революции сочетаются динамика и статика, свобода и насилие. Подлинная революция, согласно Белому, не есть буржуазная революция, итогом которой становится, например, большевистская форма культуры. Настоящая «революция-собственно» направлена против «душевной косности», и ее цель – царство свободы в мире искусства⁵⁴.

⁴⁹ Там же. С. 473.

⁵⁰ Там же. С. 474.

⁵¹ Там же. С. 475 и сл.

⁵² Там же. С. 477.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 486.

Понимание, осмысление революции поэтами А. Белым и А. Блоком неразрывно связано с их художественным мировосприятием, во многом сформированным, как уже было сказано, философскими идеями Вл. Соловьева. Революционное творчество поэтов преодолевает ограниченность исторического времени. Вопросы, поставленные авторами в их статьях, выступлениях, стихах, поэмах и прозе, имеют исторический контекст, но творчество поэтов понятно и близко не только для их современников, но и для людей других поколений, не знавших революцию. Вяч. Иванов в статье «О русской идее» сформулировал тезис, который, на наш взгляд, очень емко характеризует общую позицию поэтов эпохи Серебряного века Андрея Белого и Александра Блока: «...кажется, что как встарь, так и ныне, становясь лицом к лицу на каждом повороте наших исторических путей с нашими исконными и как бы принципиально русскими вопросами о личности и обществе, о культуре и стихии, об интеллигенции и народе, – мы решаем последовательно единый вопрос – о нашем национальном самоопределении, в муках рождаем окончательную форму нашей всенародной души, русскую идею»⁵⁵.

Проблема революции, поставленная Белым и Блоком в широкий культурный контекст, может быть отнесена к такого рода вечному вопросу, адресованному русской культурой к самой себе, поскольку в ней решаются этические, социальные и эстетические вопросы, расширенные до границ мировой культурной истории и метафизически преодолевающие ее.

⁵⁵ Иванов Вяч. О русской идее // Александр Блок, Андрей Белый: диалог поэтов о России и революции. С. 529.